

Научная статья | Original paper

Особенности восприятия жизненных изменений у представителей узбекской культуры

Е.В. Битюцкая ✉, А.Г. Докучаева, А.А. Корнеев, А.А. Херувимова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
✉ bityutskaya_ew@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Статья посвящена изучению восприятия жизненных изменений людьми, проживающими в Узбекистане, и кросс-культурному сравнению российской и узбекской культурных групп. Жизненные изменения рассматриваются как трудная жизненная ситуация, поскольку они требуют повышенных затрат усилий в связи с возрастающей динамикой ситуации. Концептуальная рамка культурно-исторического подхода позволяет предположить, что восприятие изменений и способы совладания с ними могут иметь не только количественные различия, но и специфичные смыслы у представителей разных культур. **Цель.** Выявить особенности восприятия ситуации изменений у представителей узбекской культуры в серии сравнений: а) внутри узбекской выборки для групп с разным реагированием на перемены; б) между узбекской и российской выборками. **Методы и материалы.** На первом этапе на материале узбекской выборки ($n = 279$; $M = 26,1$; $SD = 9,11$; 82% женщин) проведен анализ латентных профилей с использованием данных опросника «Типы реагирования на ситуацию изменений» (Е.В. Битюцкая, Т.Ю. Базаров, А.А. Корнеев). Выделены три группы, которым соответствуют следующие профили: принятие перемен, отвержение перемен и амбивалентное отношение. Для каждого профиля определены особенности восприятия изменений с помощью контент-анализа качественных данных, дисперсионного анализа и попарных сравнений. На втором этапе проведены кросс-культурные сравнения на материале узбекской выборки и российской выборки ($n = 216$; $M = 28,5$; $SD = 9,8$; 84% женщин). **Результаты.** В узбекской выборке выявлены различия в восприятии изменений между тремя группами. Для группы с профилем отвержения перемен характерно более частое упоминание негативных эмоций, чувства неизбежности изменений и копинга, направленного на поиск поддержки. Группа с амбивалентным профилем чаще сообщает об отвлечении. В группе с профилем принятия перемен чаще отмечаются позитивные эмоции и оценки изменений, готовность к ним, а также копинг, направленный на анализ собственных переживаний. Кросс-культурные сравнения двух культурных групп в целом показали для представителей узбекской культуры более высокую частоту упоминания коллективных способов копинга, а также необходимость терпения, в то же время редкие упоминания сопротивления. Кросс-культурное сравнение групп с аналогичными профилями в российской и узбекской выборках выявило наряду с различиями и сходства (валентность оценок и эмоций — для профилей принятия и отвержения перемен). Результаты обсуждаются в контексте культурных моделей совладания с переменами.

Ключевые слова: копинг, трудная жизненная ситуация, жизненные изменения, восприятие ситуации, культура, ценности, кросс-культурное исследование

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00737, <https://rscf.ru/project/25-18-00737/>

Для цитирования: Битюцкая, Е.В., Докучаева, А.Г., Корнеев, А.А., Херувимова, А.А. (2026). Особенности восприятия жизненных изменений у представителей узбекской культуры. *Культурно-историческая психология*, 22(2), 98–110. <https://doi.org/10.17759/chp.2026000001>

Features of perception of life changes among representatives of Uzbek culture

E.V. Bityutskaya ✉, A.G. Dokuchaeva, A.A. Korneev, A.A. Kheruvimova
M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
✉ bityutskaya_ew@mail.ru

Abstract

Context and relevance. This paper examines tendencies of perceiving life changes in people based in Uzbekistan and proposes a cross-cultural comparison between Russian and Uzbek cultural groups. Life changes are defined as challenging situations, as they require increased effort due to the increasing intensity of such situations. The research framework of the cultural-historical approach suggests that perceptions of change and coping strategies may have both quantitative differences and specific meanings across cultures. **The aim** of this study is to identify the specific perceptions of change among representatives of Uzbek culture using a few lines of comparison: a) within an Uzbek sample for groups with different responses to change; and b) between Uzbek and Russian samples. **Methods and Materials.** At the first stage, the Uzbek sample ($n = 279$; $M = 26.1$; $SD = 9.11$; 82% women) was used to analyze latent profiles was conducted based on the data from the questionnaire “Types of Response to a Situation of Change (TRSC)” (E.V. Bityutskaya, T.Yu. Bazarov, A.A. Korneev). The analysis provided for distinguishing three groups using the profiles of acceptance of change, rejection of change and that of ambivalent attitudes. For each profile, the features of perception of change were determined using the qualitative data content analysis, the analysis of variance and pairwise comparisons. At the second stage, cross-cultural comparisons were conducted using the Uzbek sample and the Russian sample ($n = 216$; $M = 28.5$; $SD = 9.8$; 84% women). **Results.** Differences in the perception of changes between the three groups were revealed in the Uzbek sample. The group with the profile of rejection of change is characterized by a more frequent mention of negative emotions, a sense of the inevitability of change, and coping aimed at search for support. The group with the ambivalent profile is more likely to report distraction. In the group with the profile of acceptance of change, positive emotions and assessments of changes, readiness for them, as well as coping aimed at analyzing their own experiences are more often noted. The cross-cultural comparisons of the two cultural groups generally revealed that representatives of the Uzbek culture more frequently reported collective ways of coping, as well as the need for being patient, while rarely mentioning resistance to change. The cross-cultural comparison of groups with similar profiles in the Russian and Uzbek samples showed both differences and similarities (the valence of appraisal and emotions for those with the profiles of either acceptance of change or rejection of change). The results are discussed in the context of cultural models of coping with change.

Keywords: coping, difficult life situation, life changes, situation perception, culture, values, cross-cultural research

Funding. The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project number 25-18-00737, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00737/>

For citation: Bityutskaya E.V., Dokuchaeva A.G., Korneev A.A., Kheruvimova A.A. (2026). Features of perception of life changes among representatives of Uzbek culture. *Cultural-Historical Psychology*, 22(2), 98–110. <https://doi.org/10.17759/chp.2026000001>

Введение

Ситуация жизненных изменений определяется следующими характеристиками: динамичностью, неопределенностью, а также высокими затратами ресурсов, что позволяет рассматривать изменения как вид трудной жизненной ситуации (Битюцкая, 2020; Bityutskaya, Dokuchaeva, Korneev, 2025). В теории Р. Лазаруса и С. Фолкман новизна, непредсказуемость, неоднозначность контекста, временные факторы являются свойствами ситуаций, определяющими их потенциальный вред, опасность и угрозу для субъекта, что предпола-

гает актуализацию механизмов копинга (Lazarus, Folkman, 1984).

Поскольку нас интересует роль культурного фактора для восприятия жизненных изменений, выделим несколько аспектов, задающих теоретические ракурсы современных кросс-культурных исследований в этой области. Наиболее часто встречающееся в публикациях сравнение культур основывается на предложенных Г. Хофстеде измерениях (Hofstede, 1980). Данный подход позволяет провести количественные сравнения и определить, например, показатель индивидуализма или избегания неопределенности у представителей той или иной культуры.

Другой аспект связан с *etic-emic*-подходом, который позволяет для любого психологического феномена выделить универсальный (*etic*) и культурно-специфический (*emic*) компоненты (Стефаненко, 1999). Так, стресс и умение справляться с ним рассматриваются как универсальный опыт, с которым сталкиваются люди независимо от культуры. Культурной же спецификой наполнены восприятие стрессора и реагирование на него, т. е. постановка целей, выбор копинг-стратегий (Кво, 2011).

Третий ракурс обозначает механизм связи культурных ценностей с оценкой стресса, которая выступает как фактор динамики копинга (Folkman, Moskowitz, 2004). Оценки рассматриваются в качестве «автоматических порождений усвоенных правил интерпретации», следовательно оказываются явлениями, культурно предписанными и встроенными в социальный контекст (Hobfoll, 2001).

Теоретической рамкой данного исследования является культурно-исторический подход, определяющий детерминированность психических функций процессами взаимодействия человека с культурной средой — деятельностью, опосредствованной знаками, символами, орудиями (Выготский, 1982; Zavershneva, van der Veer 2019). Культурно-историческая теория позволяет рассмотреть познание как непрерывный процесс взаимопереходов между полюсами системы «человек-действующий-в-мире» (Stetsenko, 2023). Культура задает образцы и «анти-образцы» поведения, лежащие в основе «самопонимания» человека в трудных жизненных ситуациях (Petrovskiy, Shmelev, 2019). Как отмечает Е.Т. Соколова, важным следствием применения в психологии культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева стало изучение содержания и структуры психического, исходя из общественных и культурных условий, а также строения практической предметной деятельности (Соколова, 2012). В частности, А.Р. Лурия показал влияние культурного фактора (ситуации быстрых общественных изменений в советском Узбекистане начала 1930-х годов) на познавательные процессы и интеллектуальную деятельность (Лурия, 1982).

Особенности культуры Узбекистана

Узбекистан является многонациональной, многоконфессиональной страной с богатой, сложной и коллективистически ориентированной культурой. Направленность на традиции, обычаи, религию характерны для узбекского народа на протяжении многих веков (Джаббаров, 2007), что по-новому раскрылось в последние три десятилетия. Распад СССР, обретение независимости с последующими социально-экономическими изменениями, глобализация стали сценой уникального столкновения «западного» и «восточного» типов культуры (Dadabaev, 2007; Ismailbekova, 2013; Курбонов, 2019). Интерес молодежи к новым ценностям катализировал возрождение народных традиционных форм воспитания (Алижанова, 2021). Новый виток развития полу-

чил институт самоуправляемой общины «махалля» (Ismailbekova, 2013; Алижанова, 2021).

Описывая культурный уровень совладания, отметим практику терпения «сабр» (Sabr), сформированную, в первую очередь, канонами наиболее распространенной в Узбекистане религии — ислама. Наивысшая форма этой практики — «сабр джамиль» (прекрасное/благородное терпение) — упоминается в Коране (Павлова, Бариева, Баирова, 2018) и означает выдержку, стойкость, упование на волю Аллаха. Роль этой практики для совладания с изменчивой ситуацией определяется двумя основаниями. С одной стороны, практика демонстрирует эффективность в предотвращении конфликтов (Ismailbekova, 2013), восприятию жизненных трудностей как испытаний. С другой стороны, она используется в контексте исламского психологического консультирования, целью которого является воздействие на личность человека на трех уровнях: 1) «рух» (душа), 2) «акль» (сознание/разум), 3) «джисм» (физическое тело) (Павлова, Бариева, Баирова, 2018). Уникальным психотерапевтическим эффектом обладают доисламские касыды (поэмы), в основе которых лежит прием тахвиля — переноса внимания с негативных сторон на позитивные. Чтобы научиться этому приему, человек должен творить стойкое терпение. Так «сабр побеждает дахр» (изменчивые обстоятельства) (Рудакова, 2017, с. 24).

Особенностями совладания на индивидуальном уровне в узбекской культуре являются неспешный характер действий, с использованием стратегии планирования и «сдерживающего копинга», распределение гендерных ролей в процессе преодоления жизненных трудностей (Бызова, Чикурова, Молутова, 2013), поиск социальной поддержки (Агадуллина, Белинская, Джураева, 2020).

Цель и концептуальная рамка настоящего исследования

В нашей работе культурно-исторический подход выступает в качестве теории верхнего фундаментального уровня, которая содержит общий объяснительный аппарат и позволяет разрабатывать теоретические положения, допускающие эмпирическую проверку (Корнилова, 2023). Применительно к теме восприятия изменений, культурно-исторический подход позволяет предполагать, что культура посредством присвоенных ее представителями моделей совладания с жизненными трудностями детерминирует содержание представлений (восприятия) жизненных ситуаций и приемлемые копинг-стратегии. Конкретнее, мы предполагаем, что культурные модели принятия и непринятия перемен включают специфичное содержание, в зависимости от культурной принадлежности людей. Причем это содержание определяется не только количественными, но и в большей мере смысловыми особенностями, которые связаны с общественным развитием, культурными и религиозными ценностями. Общая концептуальная схема культурной детерминации восприятия изменений представлена на рис. 1.

Рис. 1. Циклическая диаграмма связи между культурными моделями совладания с жизненными трудностями, восприятием жизненных изменений и стратегиями совладания с ними

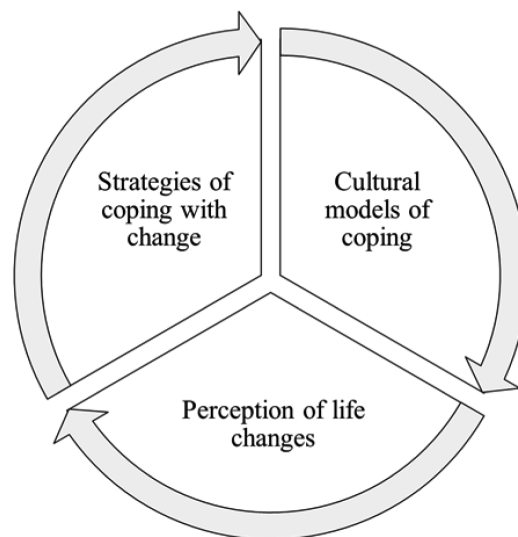

Fig. 1. A cycle diagram of the relationship between cultural models of coping with life difficulties, perceptions of life changes and strategies of coping with them

Циклическая диаграмма показывает, что *культурные модели совладания* определяют специфику *восприятия жизненных изменений*. В свою очередь, в зависимости от восприятия человек использует определенный набор *копинг-стратегий*, позволяющий совладать с ситуацией изменений в рамках культурной модели. В эмпирическом исследовании мы рассматриваем три варианта сочетания копинг-стратегий (направленных на принятие перемен, на их непринятие и амбивалентный профиль, совмещающий первые два варианта). Также мы изучаем соотносимые с каждым профилем особенности восприятия перемен. Обсуждение этих результатов и сопоставление их с описанными в литературе культурными ценностями, а также с культурными способами совладания позволяет нам далее описать культурные модели.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей восприятия жизненных изменений и совладания с ними у представителей узбекской культуры.

Материалы и методы

Участники

В исследовании приняли участие 279 человек: жители Ташкента и других городов Узбекистана. Возрастной состав выборки — от 18 до 64 лет (средний возраст — 26,1±9,11), из них 230 женщин и 49 мужчин. 74% участников сообщили о принадлежности к узбекской национальности, среди остальных — наибольшее количество русских и корейцев. Все респонденты в совершенстве владеют русским языком. 63% участников исследования — студенты вузов Ташкента разных профилей обучения, остальные участники — работники разных специальностей. Сбор данных осуществлялся онлайн, с использованием платфор-

мы «testograf». После ознакомления с целями исследования участники подтверждали информированное согласие, а затем отвечали на вопросы. Всем участникам исследования предоставлялась обратная связь по результатам исследования.

На втором этапе исследования для кросс-культурного сравнения использовались данные российской выборки: 216 человек в возрасте от 17 до 55 лет (средний возраст — 28,5±9,8), из них 182 — женщины и 34 — мужчины (Bityutskaya, Dokuchaeva, Korneev, 2025).

Методики

Мы использовали сочетание качественных и количественных методов исследования. Для сбора количественных данных применялся опросник «Типы реагирования на ситуацию изменений» (ТРСИ, Битюцкая, Базаров, Корнеев, 2021). 48 пунктов опросника входят в семь шкал, связанных с принятием жизненных изменений (шкалы: Освоение изменений, Преодоление трудностей, Предпочтение неопределенности и Создание изменений) и непринятием или отвержением перемен (Избегание, Упреждение изменений и Сохранение стабильности). Пункты опросника оценивались на основе шкалы Ликерта от нуля до трех баллов (реже всего, редко, часто, чаще всего).

Для изучения восприятия ситуации изменений использовались качественные данные — ответы на следующие открытые вопросы.

1. По каким сигналам среды Вы понимаете, что происходят жизненные изменения?
2. Какие признаки изменений для Вас являются наиболее важными?
3. Что помогает Вам принять изменения?
4. Как и за счет чего Вы снимаете сопротивление изменениям?

Процедура сбора данных совпадает с исследованием, проведенным на российской выборке (Bityutskaya, Dokuchaeva, Korneev, 2025).

Процедура контент-анализа

Для анализа качественных данных применялась кодировочная инструкция, включающая общие категории и соответствующие им конкретные подкатегории с их индикаторами. Для повышения надежности контент-анализа текст двадцати случайно выбранных из массива случаев независимо закодировали два эксперта. После достижения консенсуса относительно расхождений в кодировании данных и достижения согласованности экспертного мнения кодировался оставшийся массив ответов. В ходе контент-анализа на основе ответов респондентов выделены семь общих категорий и 74 конкретных подкатегории.

Статистическая обработка

Выделение групп с разным соотношением стратегий реагирования по ТРСИ проводилось с помощью анализа латентных профилей (Ferguson, Moore, Hull, 2020). Для оценки различий отдельных стратегий в группах респондентов применялись дисперсионный анализ и попарные сравнения с поправкой Хольма. Сравнение результатов в узбекской и российской выборках проводилось с помощью критерия Манна–Уитни. Расчеты проводились в среде R (ver. 4.3.3) с использованием пакетов tidyverse (ver. 2.0.0), rstatix (ver. 0.7.2) и tidyLPA (ver. 1.1.0).

Для определения числа групп были оценены модели, выделяющие от одного до шести кластеров, при этом каждый вариант оценивался с разными допущениями о (не)равенстве дисперсий и ковариаций переменных в группах. Сравнение моделей проводилось на основе информационных критериев AIC (Akaike information criterion) и BIC (Bayesian information criterion). Также учитывались соотношение размера групп и показатель энтропии.

Результаты

Анализ латентных профилей

В качестве лучшей была выбрана модель, выделяющая три группы респондентов при условии неравенства дисперсий и нулевых ковариаций между переменными. Средние значения по шкалам ТРСИ в выделенных на узбекской выборке группах даны на рис. 2; количество испытуемых, их возрастной и половой состав представлены в табл. 1. Дисперсионный анализ и попарные сравнения показали значимые различия между всеми группами по всем шкалам ($p < 0,001$).

Первая группа характеризуется относительно высокими средними значениями по шкалам принятия изменений и относительно низкими — по шкалам отвержения (далее Г-ПР). Вторая группа имеет средние оценки по всем шкалам, что дает основание определить ее как группу людей с амби-

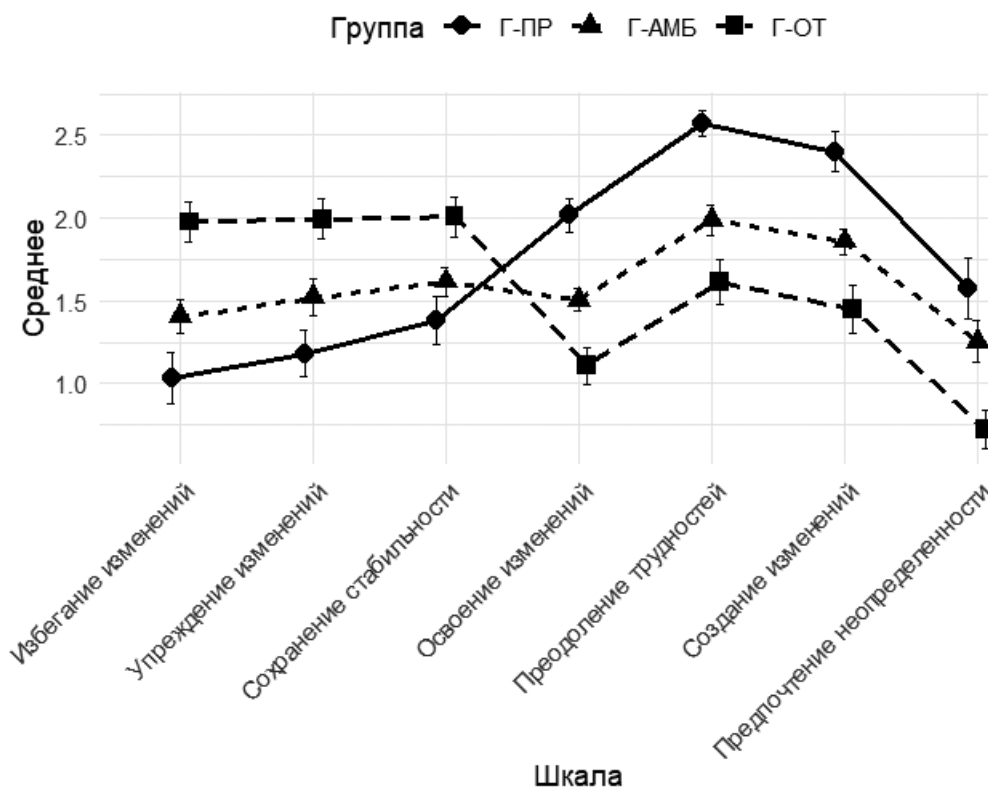

Рис. 2. Профили ТРСИ для трех выделенных групп в узбекской выборке. Г-ПР — группа приближения, с высокими значениями по шкалам принятия изменений, и низкими — по шкалам отвержения. Г-АМБ — амбивалентная группа со средними оценками по всем шкалам. Г-ОТ — группа отвержения с высокими баллами по шкалам отвержения и низкими — по шкалам принятия. Столбики ошибок — 2 стандартные ошибки среднего

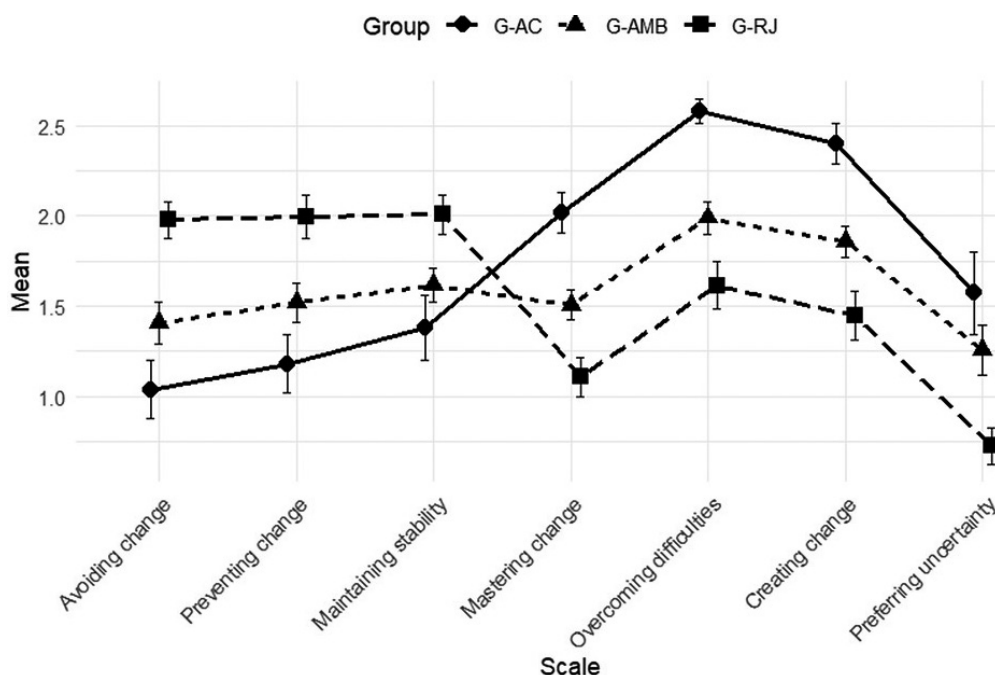

Fig. 2. TRSC Profiles for the Three Selected Groups in the Uzbek sample. G-AC – the acceptance group, with higher scores on the acceptance scales and low scores on the rejection scales. G-AMB – the ambivalent group, with average scores on all scales. G-RJ – the rejection group, with higher scores on the rejection scales and lower scores on the acceptance scales
Note: error bars are 2 standard errors of the mean.

валентным отношением к изменениям, совмещающих стратегии принятия и отвержения (Г-АМБ). Для третьей группы получены относительно высокие баллы по шкалам отвержения и относительно низкие – по шкалам принятия (Г-ОТ). В исследовании на российской выборке ($n = 216$) были выделены три схожих профиля: Г-ПР 45 чел., Г-АМБ 111 чел., Г-ОТ 60 чел.

В табл. 2 представлена описательная статистика категорий контент-анализа отдельно для каждой из выделенных групп. Как видно из таблицы, различия по категориям невелики, сравнение трех групп по этим показателям с помощью дисперсионного анализа не выявило значимых различий между группами по всем категориям ($p > 0,05$). Од-

нако это ожидаемый результат, поскольку особенности восприятия ситуации изменений позволяют описать различия частот встречаемости конкретных подкатегорий.

Оценка различий профилей узбекской выборки в рамках подкатегорий

В табл. 3 приведены результаты сравнения средней частоты встречаемости ответов, которые позволили выделить значимые (на уровне $p < 0,05$) и субзначимые ($p < 0,1$) различия.

Значимыми оказались различия по следующим подкатегориям:

– *Негативные эмоции.* В Г-ПР средняя частота упоминаний этой подкатегории ниже, чем в Г-ОТ

Таблица 1 / Table 1

Размер и состав выделенных групп на узбекской выборке Size and composition of the selected groups in the Uzbek sample

Название и акроним профиля / Profile name and acronym	Группа / Group	N	Муж / жен / Male / Female	Проценты муж / жен / Percent Male / Female	Возраст / Age
Группа с профилем принятия изменений Г-ПР / Group with a profile of acceptance of changes G-AC	1	84 (30,1%)	16/68	19/81	27(9,1)
Группа с амбивалентным профилем Г-АМБ / Group with an ambivalent profile G-AMB	2	115 (41,2%)	22/93	19,1/80,9	25,9(9,1)
Группа с профилем отвержения изменений Г-ОТ / Group with a profile of rejection of changes G-RJ	3	80 (28,7%)	11/69	13,8/86,2	25,4(9,2)
Всего / All		279	49/230	17,6/82,4	26,1(9,1)

Примечание: указан средний возраст, в скобках указаны стандартные отклонения.
Note: mean age is given, standard deviations are in parentheses.

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика по категориям контент-анализа в трех группах
Descriptive statistics for content analysis categories in three groups

Категория / Category	Профиль / Profile		
	Г-ПР / G-AC	Г-АМБ / G-AMB	Г-ОТ / G-RJ
1. Внешние признаки / External signs	1,214 (1,213)	1,165 (1,059)	1,100 (1,001)
2. Внутренние признаки / Internal signs	2,060 (1,826)	2,165 (1,701)	1,812 (1,170)
3. Деятельность субъекта / Activity of the subject	0,714 (0,800)	0,678 (0,744)	0,575 (0,671)
4. Оценка изменений / Appraisal of change	0,345 (0,630)	0,183 (0,431)	0,238 (0,534)
5. Важные признаки изменений / Important signs of change	1,024 (0,153)	1,026 (0,160)	0,988 (0,112)
6. Способы совладания с ситуацией изменений / Ways to cope with a situation of change	3,250 (1,597)	3,522 (2,149)	3,100 (1,228)
7. Направленность копинга / Coping orientation	1,000 (0)	1,000 (0)	1,025 (0,157)

Примечание: даны средние, в скобках указаны стандартные отклонения.

Note: averages for profiles are given, standard deviations are in parentheses.

Таблица 3 / Table 3

Сравнение трех групп узбекской выборки по частоте подкатегорий
Comparison of three groups of the Uzbek sample by frequency of subcategories

Категория / Category	Подкатегория / Subcategory	Профиль / Profile			Значимость различий / Significance of the differences
		ПР / AC	АМБ / AMB	ОТ / RJ	
Внутренние признаки / Internal signs	Позитивные эмоции / Positive emotions	0,119 (0,361)	0,078 (0,270)	0,025 (0,157)	F(2, 276) = 2,387, p = 0,094, $\eta_p^2 = 0,017$
	Негативные эмоции / Negative emotions	0,262 (0,583)	0,339 (0,576)	0,575 (0,652)	F(2, 276) = 6,102, p = 0,003, $\eta_p^2 = 0,042$
Оценка изменений / Appraisal of change	Позитивная оценка / Positive appraisal	0,095 (0,295)	0,017 (0,131)	0,038 (0,191)	F(2, 276) = 3,463, p = 0,033, $\eta_p^2 = 0,024$
Способы совладания с ситуацией изменений / Ways to cope with a situation of change	Неизбежность / Inevitability	0,143 (0,415)	0,226 (0,441)	0,300 (0,537)	F(2, 276) = 2,365, p = 0,096, $\eta_p^2 = 0,017$
	Отвлечение / Distraction	0,167 (0,406)	0,330 (0,573)	0,138 (0,381)	F(2, 276) = 4,798, p = 0,009, $\eta_p^2 = 0,034$
	Готовность к изменениям / Readiness for change	0,190 (0,452)	0,104 (0,307)	0,062 (0,291)	F(2, 276) = 2,846, p = 0,060, $\eta_p^2 = 0,020$
Направленность копинга / Coping orientation	На себя / Oneself	0,881 (0,326)	0,835 (0,373)	0,725 (0,449)	F(2, 276) = 3,591, p = 0,029, $\eta_p^2 = 0,025$
	На других / On others	0,036 (0,187)	0,035 (0,184)	0,125 (0,333)	F(2, 276) = 4,098, p = 0,018, $\eta_p^2 = 0,029$

Примечание: для профилей даны средние, в скобках указаны стандартные отклонения. Значимость различий определялась по результатам дисперсионного анализа.

Note: the profiles are given as means, with standard deviations in brackets. The significance of differences was determined by the results of variance analysis.

($p = 0,003/0,001^1$) и Г-АМБ ($p = 0,015/0,007$). При этом участники Г-ОТ зачастую отмечают, что ситуация изменений «вызывает дискомфорт»², «повергает в стресс». В Г-АМБ часто упоминается возникновение тревожного состояния.

— *Позитивная оценка.* В Г-ПР средняя частота подкатегории значимо выше, чем в Г-АМБ ($p = 0,030/0,010$). Участники Г-ПР выделяют варианты

развития событий, способствующих улучшениям: «улучшается мое положение в этом мире».

— *Отвлечение.* В Г-АМБ средняя частота подкатегории значимо выше, чем в группах Г-ПР ($p = 0,034/0,017$) и Г-ОТ ($p = 0,017/0,006$). При этом участники Г-ПР упоминают более активные способы отвлечения, такие как «спорт», «смена деятельности». В ответах Г-АМБ наряду с этим

¹ Здесь и далее первая значимость — с поправкой Хольма, вторая — без поправки. Мы обсуждаем значимость различий с поправкой на множественность сравнений, однако, учитывая эксплораторный характер нашего исследования, посчитали важным представить и нескорректированную значимость как указание на возможные значимые различия.

² В кавычках приводятся выдержки из ответов респондентов.

встречается тема расслабления: «отдых», «фильмы», «музыка». В Г-АМБ это сочетается по смыслу с темой откладывания действий, а также с надеждой на судьбу, Бога. В ответах Г-ОТ данная подкатегория связана, как правило, со «сном» и «переключением на хобби».

– *Направленность копинга на себя.* Респонденты всех групп сообщают об использовании анализа опыта, попыток принятия ситуации. При этом оказалось, что в Г-ПР средняя частота этой подкатегории значимо выше, чем в Г-ОТ ($p = 0,029/0,010$).

– *Направленность копинга на других (на поиск поддержки).* В Г-ОТ средняя частота подкатегории значимо выше, чем в Г-ПР ($p = 0,033/0,016$) и Г-АМБ ($p = 0,028/0,009$). Анализ ответов показывает, что значимым является мнение авторитетных фигур и в целом «мнение окружающих», стремление сохранить репутацию; отмечается важность поддержания отношений.

Субзначимые различия обнаружены по следующим подкатегориям.

– *Позитивные эмоции.* В Г-ПР средняя частота упоминания подкатегории выше, чем в Г-ОТ ($p = 0,090/0,030$). Участники Г-ПР чаще описывают «азарт, предвкушение», «прилив сил и энергии», которые позитивно переживаются.

– *Неизбежность.* В Г-ОТ средняя частота подкатегории значимо выше, чем в Г-ПР ($p = 0,092/0,031$). Принять жизненные изменения в Г-ОТ и Г-АМБ помогает восприятие ее как «неизбежной», как «данности, которую надо принять», как ситуации, связанной с «отсутствием другого выхода». При этом собственные силы оцениваются как недостаточные для влияния на ситуацию: «понимаю, что не могу повлиять на изменения», «не все зависит от меня».

– *Готовность к изменениям.* В Г-ПР средняя частота подкатегории значимо выше, чем в Г-ОТ ($p = 0,063/0,021$). В смысловом плане отличительной особенностью Г-ПР становятся ответы, связанные с переживанием легкости, «легкой адаптации»: «мне несложно отказаться от чего-то обыденного и привычного в пользу нового и интересного».

Оценка различий между российской и узбекской выборками в рамках подкатегорий

Далее мы сравнили частоту встречаемости подкатегорий в ответах узбекской и российской выборок. Значимые различия между культурными группами в целом и в рамках трех профилей представлены в табл. 4 и 5 соответственно.

Между представителями узбекской и российской культур значимыми оказались различия по следующим подкатегориям.

– *Негативные эмоции.* В ответах узбекской группы в целом частота упоминания данной подкатегории выше, чем у россиян ($p = 0,008$).

– *Терпение и снятие сопротивления.* Частота упоминания этой подкатегории в узбекской выборке значимо выше, чем у россиян ($p = 0,023$); результат воспроизводится при сравнении профилей Г-АМБ ($p = 0,012$), см. табл. 6. У россиян высказывания о снятии сопротивления часто содержат смыслы волевого усилия и когнитивной работы над собой, упоминается необходимость преодолевать «через силу». Высказывания участников узбекской выборки описывают смыслы о «необходимости терпеть», о преодолении своего сопротивления: «переговоры с собой», «поиск средств для снятия сопротивления».

– *Анализ опыта.* В узбекской выборке частота данной подкатегории выше, чем у россиян

Таблица 4 / Table 4

Сравнение выборок по подкатегориям Comparison of samples by subcategories

Категория / Category	Подкатегория / Subcategory	Выборки / Samples		Значимость различий / Significance of the differences
		Российская / Russian	Узбекская / Uzbek	
Внутренние признаки изменений / Internal signs of change	Негативные эмоции / Negative emotions	0,269 (0,588)	0,384 (0,612)	$U = 26880,5, p = 0,008$
Способы совладания с ситуацией изменений / Ways to cope with a situation of change	Терпение и снятие сопротивления / Patience and removing resistance	0,074 (0,28)	0,143 (0,381)	$U = 28224,5, p = 0,023$
	Анализ опыта / Experience analysis	0,361 (0,602)	0,491 (0,667)	$U = 26761, p = 0,012$
	Отвлечение / Distraction	0,384 (0,607)	0,226 (0,483)	$U = 26292, p = 0,001$
	Сопротивление изменениям / Resistance to change	0,051 (0,241)	0,014 (0,119)	$U = 29167, p = 0,033$
Направленность копинга / Coping orientation	На себя / Oneself	0,894 (0,338)	0,817 (0,387)	$U = 27883,5, p = 0,024$
	На других / On others	0,023 (0,151)	0,061 (0,24)	$U = 28993,5, p = 0,043$
	От ситуации / Withdrawing from the situation	0,042 (0,2)	0,1 (0,301)	$U = 28363,5, p = 0,014$

Примечание: даны средние, в скобках указаны стандартные отклонения; значимость различий определялась по критерию U Манна–Уитни.

Note: averages for profiles are given, standard deviations are in parentheses; the significance of the differences was determined by the Mann–Whitney U test.

($p = 0,012$), что характерно для Г-ПР ($p = 0,027$). В ответах респондентов узбекской Г-ПР чаще упоминается анализ собственных состояний: «пытаюсь понять причины своего сопротивления», «анализирую свои страхи». В то же время россияне Г-ПР преимущественно опираются на рациональные аргументы.

— *Отвлечение.* У россиян встречаемость данной подкатегории выше ($p = 0,001$), что также обнаружено при сравнении групп Г-ПР ($p = 0,003$) и Г-ОТ ($p = 0,019$). У россиян отвлечение чаще принимает форму когнитивного и эмоционального отключения, а также «ухода в работу». В ответах узбекской культурной группы преобладают «отдых», «покой», «творчество», общение с близкими; «уход в работу» как форма отвлечения не упоминается.

— *Спротивление изменениям.* У россиян частота этой подкатегории выше, чем в ответах узбекской культурной группы ($p = 0,033$), что обнаружено и в Г-ОТ ($p = 0,004$). У россиян (чаще всего Г-ОТ) сопротивление изменениям выражается в категоричной форме: «сопротивляюсь до последнего». Многие российские участники отмечают длительный и интенсивный характер сопротивления: «долго не принимаю». В ответах узбекской Г-ОТ категория сопротивления отсутствует, однако в общей выборке имеются единичные высказывания в смягченной форме: «в зависимости от исхода событий, если результат меня не устроит, буду искать другие пути».

— *Направленность копинга на себя.* В целом у россиян встречаемость подкатегории выше, чем в узбекской выборке ($p = 0,024$). Различия получены также при кросс-культурном сравнении между собой групп: Г-АМБ ($p = 0,05$) и Г-ОТ ($p = 0,011$). В то же время подкатегория встречается в обеих выборках и во многом согласуется по содержанию, описывая внутренние попытки изменить свое восприятие ситуации.

— *Направленность копинга на других (на поиск поддержки).* Частота этой подкатегории выше в от-

ветах узбекской выборки, по сравнению с россиянами ($p = 0,043$). Содержательный анализ ответов показывает, что для представителей узбекской культуры значима поддержка семьи и общества при принятии изменений: «разговоры с близкими», «ощущение безопасности через контакт с другими», «примеры других людей». Респонденты описывают, как мнение близких влияет на их собственное восприятие изменений. В ответах россиян также присутствуют упоминания значимых других, однако смысловые контексты часто отличаются: «помогает мысль о том, что с другими людьми тоже происходят изменения», «помог психолог». Также важно отметить, что подобные ответы у россиян не занимают центрального положения.

— *Направленность копинга от ситуации.* В узбекской группе встречаемость данной подкатегории выше, чем у россиян в целом ($p = 0,014$) и в Г-АМБ ($p = 0,002$). По смыслу, общее между российской и узбекской выборками проявляется, во-первых, в признании роли времени: «время помогает принять изменения». Во-вторых, часто встречается стратегии отвлечения и расслабления. В-третьих, отмечается поддержка близких или доверенных людей. Однако различаются способы необходимой поддержки и конкретные способы отвлечения (см. выше соответствующие подкатегории).

— *Изменения внутренних ощущений.* При кросс-культурном сравнении Г-ОТ частота встречаемости подкатегории выше у россиян ($p = 0,02$). Они преимущественно описывают внутренние изменения через «внутренние переживания». Характерным для Г-ОТ узбекской выборки является упоминание «внутреннего спокойствия» как ресурсного состояния.

— *Саморазвитие.* Частота встречаемости подкатегории выше в узбекской Г-ОТ, чем в российской Г-ОТ ($p = 0,036$). У россиян данная подкатегория характеризуется Г-ПР, а в Г-ОТ встречается в единичных случаях.

Таблица 5 / Table 5

**Сравнение выборок по группам
Comparison of samples by groups**

Категория / Category	Подкатегория / Subcategory	Выборки / Samples		Значимость различий / Significance of the differences
		Российская / Russian	Узбекская / Uzbek	
Г-ПР / G-AC				
Способы совладания с ситуацией изменений / Ways to cope with a situation of change	Анализ опыта / Experience analysis	0,222 (0,471)	0,488 (0,685)	U = 1523,5, p = 0,027
	Отвлечение / Distraction	0,489 (0,727)	0,167 (0,406)	U = 1450,5, p = 0,003
Г-АМБ / G-AMB				
Способы совладания с ситуацией изменений / Ways to cope with a situation of change	Терпение и снятие сопротивления / Patience and removing resistance	0,054 (0,227)	0,165 (0,396)	U = 5725,5, p = 0,012
Направленность копинга / Coping orientation	На себя / Oneself	0,928 (0,322)	0,835 (0,373)	U = 5807, p = 0,05
	От ситуации / Withdrawing from the situation	0,018 (0,134)	0,122 (0,328)	U = 5720,5, p = 0,002
Г-ОТ / G-RJ				
Внутренние признаки изменений / Internal signs of change	Изменение внутренних ощущений / Change in internal sensations	0,367 (0,52)	0,188 (0,424)	U = 1983,5, p = 0,02

Категория / Category	Подкатегория / Subcategory	Выборки / Samples		Значимость различий / Significance of the differences
		Российская / Russian	Узбекская / Uzbek	
Способы совладания с ситуацией изменений / Ways to cope with a situation of change	Отвлечение / Distraction	0,317 (0,537)	0,138 (0,381)	U = 2018,5, p = 0,019
	Саморазвитие / Self-development	0,033 (0,181)	0,138 (0,347)	U = 2150, p = 0,036
	Соппротивление изменениям / Resistance to change	0,117 (0,372)	0 (0)	U = 2160, p = 0,004
Направленность копинга / Coping orientation	На себя / Oneself	0,9 (0,303)	0,725 (0,449)	U = 1980, p = 0,011

Примечание: даны средние, в скобках указаны стандартные отклонения; значимость различий определялась по критерию U Манна–Уитни.

Note: averages for profiles are given, standard deviations are in parentheses; the significance of the differences was determined by the Mann–Whitney U test.

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы рассмотрели, как представители узбекской культуры воспринимают жизненные изменения и совладают с ними. На первом этапе сравнений были выделены три группы с различными профилями отношения к изменениям. Группа с профилем *отвержения перемен* наиболее часто (по сравнению с другими выделенными профилями) упоминает негативные эмоции и оценки ситуации перемен, а также неизбежность ситуации, помогающую принять изменения. Причем период, когда изменения не принимаются и необходимо их перетерпеть, воспринимается как значимый для саморазвития. Для Г-ОТ также выявлена направленность копинга на других людей как поиск поддержки окружения и обращение за советами к авторитетным фигурам. Для группы с *амбивалентным профилем* отмечается более высокая частота упоминания отвлечения, а также (по сравнению с Г-ПР) более часто упоминаемые негативные эмоции. Группа *принятия перемен* отличается более высокой частотой упоминания позитивных эмоций и оценок изменений, готовности к изменениям и направленности копинга на себя. Последнее проявляется в фокусировании на собственных переживаниях, в анализе опыта, в поиске позитивных возможностей новой ситуации.

На втором этапе мы провели кросс-культурные сравнения для двух культурных групп. В целом, обнаруженные особенности восприятия перемен у представителей узбекской культуры (по сравнению с россиянами) связаны с более частыми упоминаниями коллективных способов копинга и «необходимости терпения», с большей ориентированностью на рефлексию своих состояний. В то же время реже упоминается сопротивление, т. е. для узбекской выборки в большей мере характерно принятие условий изменяющейся ситуации. Если для российской Г-ОТ оказалась значимой категория сопротивления изменениям (как борьба за то, чтобы «вернуть все, как было») (Bityutskaya, Dokuchaeva, Korneev, 2025), то в ответах узбекской выборки такая тема не встречается. Напротив, преобладает внешний локус контроля, отношение к изменениям как к объективно заданным обстоятельствам, на которые сложно вли-

ять. Это далее позволяет принять изменения. Другой важный результат обнаружен при сравнении российской и узбекской групп с амбивалентным профилем. В группе россиян зачастую отмечается тенденция перехода от неприятия к принятию перемен с использованием позитивной переоценки как центральной копинг-стратегии такого перехода (Ibid.). Узбекская группа сообщает о копинг-стратегиях отвлечения и откладывания решения. Причем отвлечение направлено на успокоение и общение с близкими. Полученные результаты согласуются со стратегией, названной «сдерживающим копингом» (Бызова, Чикурова, Молотова, 2013).

Описанные тенденции можно рассматривать как отражение коллективистической направленности культуры и исламской ценности терпения «сабр», характерных для узбекской культуры (Павлова, Бариева, Баирова, 2018; Ismailbekova, 2013). В целом, в узбекской выборке доминирует установка на необходимость адаптироваться к условиям ситуации, подстраиваться под них, несмотря на внутренние сложности, что свидетельствует о гибком подходе к изменениям.

Способы совладания, которые в американско-европейской системе категоризации копинг-стратегий определяются как «пассивный копинг», «стратегии ухода от решения проблемы» (отвлечение, откладывание решения и действий), для узбекского менталитета предстают как наполненные иными смыслами. Это связано с ценностью стойкого благородного терпения «сабр», что далее помогает совладать с изменениями и принять их. Другими словами, одни и те же внешние проявления копинга насыщены разными смыслами в культурных моделях западного и восточного образцов.

Однако в данном исследовании мы получили и результаты, которые позволяют выделить универсальный компонент. Кросс-культурное сравнение восприятия ситуации изменений людьми, которые были отнесены к профилям принятия и отвержения перемен, указывает на некоторые общие признаки, наряду с различиями. Сходства проявляются в валентности эмоций и оценок, что можно отнести к универсальным характеристикам. Но этот вывод требует проверки на выборках других культур.

Заклучение

Проведенное исследование позволяет описать характерную для узбекской культуры модель совладания с жизненными изменениями, которую характеризуют постепенное принятие ситуации и гибкая подстройка под ее условия, а также коллективные способы копинга. Связанные с этим особенности восприятия перемен описываются необходимостью терпения. Это определяется как стойкое благородное совладание, в том числе с негативными эмоциями, возникающими при принятии перемен. Если россиянам в схожей ситуации зачастую необходимо найти позитивные стороны изменений и пользу, подбодрить себя, чтобы принять изменения, то для жителей Узбекистана часто нужно время на размеренную, неторопливую подстройку к ситуации, анализ опыта взаимодействия с ней. В качестве отвлечения упоминаются способы, позволяющие достичь спокойствия, сфоку-

сированности на своем внутреннем мире, а также возможность общения с близкими людьми.

Концептуальная рамка культурно-исторического подхода позволила проанализировать культурные модели, особенности восприятия ситуации изменений и совладания с ней как целостную структуру.

Ограничения. 1. В этом исследовании мы не анализировали половые различия из-за несоразмерной численности мужчин и женщин (для узбекской выборки — 18/82%, для российской — 16/84%, соответственно). 2. Также мы не рассматривали содержательные особенности ситуаций изменений (к какой жизненной сфере они относятся).

Limitations. 1. In this study, we did not analyze gender differences due to the disproportionate number of men and women (for the Uzbek sample 18% / 82%, for the Russian sample 16% / 84%, respectively). 2. We also did not consider the substantive features of change situations (what sphere of life they relate to).

Список источников / References

1. Агадуллина, Е.Р., Белинская, Е.П., Джураева, М.Р. (2020). Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия. *Национальный психологический журнал*, 3(39), 30–38. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0304>
2. Агадуллина, Е.Р., Белинская, Е.П., Джураева, М.Р. (2020). Personal and situational predictors of proactive coping with difficult life situations: cross-cultural differences. *National Psychological Journal*, 3(39), 30–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0304>
3. Алижанова, М.Р. (2021). Национальные ценности узбекского народа в духовном и социальном развитии молодежи. *Universum: общественные науки*, 10(78), 17–19.
4. Алижанова, М.Р. (2021). National values of the Uzbek people in the spiritual and social development of youth. *Universum: obshchestvennyye nauki*, 10(78), 17–19. (In Russ.).
5. Битюцкая, Е.В. (2020). Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации. *Вопросы психологии*, 66(3), 116–131.
6. Битюцкая, Е.В. (2020). The structure and dynamics of the image of a difficult life situation. *Voprosy psikhologii*, 66(3), 116–131. (In Russ.).
7. Битюцкая, Е.В., Базаров, Т.Ю., Корнеев, А.А. (2021). Опросник Типы реагирования на ситуацию изменений: структура шкал и психометрические показатели. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 18(2), 297–316. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-297-316>
8. Битюцкая, Е.В., Базаров, Т.Ю., Корнеев, А.А. (2021). The new questionnaire “types of response to a changing situation”: the structure of scales and psychometric characteristics. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 18(2), 297–316. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-297-316>
9. Бызова, В.М., Чикурова, Е.И., Молутова, М.К. (2013). Этнопсихологические особенности совладающего поведения (на примере русской и узбекской молодежи). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 2, 94–101.
10. Бызова, В.М., Чикурова, Е.И., Молутова, М.К. (2013). Ethno-psychological peculiarities of coping behaviour (on the example of Russian and Uzbek youth). *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2, 94–101. (In Russ.).
11. Выготский, Л.С. (1982). *Собрание сочинений: В 6 т.: Т. 1. Исторический смысл психологического кризиса*. М.: Педагогика.
12. Выготский, Л.С. (1982). *Collected works: In 6 volumes: Volume 1. The historical meaning of the psychological crisis*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
13. Джаббаров, И. (2007). *Узбеки: этнокультурные традиции, быт и образ жизни* (С.К. Камалов, ред.). Ташкент: Шарк.
14. Джаббаров, И. (2007). *Uzbeks: Ethnocultural Traditions, Lifestyle and Way of Life* (S.K. Kamalov, ed.). Tashkent: Shark. (In Russ.).
15. Корнилова, Т.В. (2023). *Экспериментальная психология: В 2-х частях. Часть 1*. М.: Юрайт.
16. Корнилова, Т.В. (2023). *Experimental Psychology: In 2 parts. Part 1*. Moscow: Izd-vo Urait. (In Russ.).
17. Курбонов, Т. (2019). Национальный менталитет узбеков: содержание и структура. *Россия и мусульманский мир*, 4(314), 122–127.
18. Курбонов, Т. (2019). National Mentality of Uzbeks: Content and Structure. *Russia and the Muslim World*, 4(314), 122–127. (In Russ.).
19. Лурья, А.Р. (1982). Культурные различия и интеллектуальная деятельность. В: Е.Д. Хомская (Ред.), *Этапы пройденного пути. Научная автобиография* (с. 47–69). М.: Изд-во Моск. ун-та.
20. Лурья, А.Р. (1982). Cultural Differences and Intellectual Activity. In: E.D. Khomskaya (Ed.), *Stages of the Path Traveled. Scientific Autobiography* (pp. 47–69). Moscow: Publ. Mosk. un-ta. (In Russ.).
21. Павлова, О.С., Бариева, Н.Ю., Байрова, З.М. (2018). Исламская психология за рубежом: состояние и перспективы развития. *Minbar. Islamic Studies*, 11(4), 850–865. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-850-865>
22. Павлова, О.С., Бариева, Н.Ю., Байрова, З.М. (2018). Islamic psychology abroad: the state and development

- prospects. *Minbar. Islamic Studies*, 11(4), 850–865. (In Russ.). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-4-850-865>
12. Рудакова, М.В. (2017). Доисламская поэзия как психотренинг счастья. *Вестник культурологии*, 4(83), 20–31.
Rudakova, M.V. (2017). Pre-Islamic poetry as a psychotraining for happiness. *Bulletin of Cultural Studies*, 4(83), 20–31. (In Russ.).
13. Соколова, Е.Т. (2012). Культурно-историческая и клинико-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2, 37–48.
Sokolova, E.T. (2012). Cultural-historical and clinical-psychological perspective of studying the phenomena of subjective uncertainty. *Lomonosov Psychology Journal*, 2, 37–48. (In Russ.).
14. Стефаненко, Т.Г. (1999). *Этнопсихология*. М.: Издательство «Институт психологии РАН»; Академический проект.
Stefanenko, T.G. (1999). *Ethnopsychology*. Moscow: Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN»; Akademicheskii projekt. (In Russ.).
15. Bityutskaya, E.V., Dokuchaeva, A.G., Korneev, A.A. (2025). Profiles of response to life changes: situation perception and coping strategies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 22(1), 30–48. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2025-1-30-48>
16. Dadabaev, T. (2007). How does transition work in Central Asia? Coping with ideological, economic and value system changes in Uzbekistan. *Central Asian Survey*, 26(3), 407–428. <https://doi.org/10.1080/02634930701702746>
17. Ferguson, S.L., G. Moore, E.W., Hull, D.M. (2020). Finding latent groups in observed data: A primer on latent profile analysis in Mplus for applied researchers. *International Journal of Behavioral Development*, 44(5), 458–468. <https://doi.org/10.1177/0165025419881721>
18. Folkman, S., Moskowitz, J.T. (2004). Coping: Pitfalls and promise. *Annual Review of Psychology*, 55, 745–774. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.141456>
19. Hobfoll, S.E. (2001). The influence of culture, community, and the nested self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. *Applied Psychology*, 50(3), 337–421. <https://doi.org/10.1111/1464-0597.00062>
20. Hofstede, G. (1980). *Culture's consequences: International differences in work related values*. Beverly Hills; London: Sage.
21. Ismailbekova, A. (2013). Coping strategies: public avoidance, migration, and marriage in the aftermath of the Osh conflict, Fergana Valley. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 41(1), 109–127. <https://doi.org/10.1080/00905992.2012.748736>
22. Kuo, B.C.H. (2013). Collectivism and coping: Current theories, evidence, and measurements of collective coping. *International Journal of Psychology*, 48(3), 374–388. <https://doi.org/10.1080/00207594.2011.640681>
23. Lazarus, R.S., Folkman, S. (1984). *Stress, appraisal and coping*. New York: Springer Publishing.
24. Petrovsky, V.A., Shmelev, I.M. (2019). Personology of difficult life situations: At the intersection of three cultures. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 16(3), 408–433. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-408-433>
25. Stetsenko, A.P. (2023). Cultural-historical activity theory and its contemporary import: Ideas emerging in context and time. *Cultural-Historical Psychology*, 19(1), 20–29. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190103>
26. Zavershneva, E., van der Veer, R. (2019). Vygotsky and the cultural-historical approach to human development. In: W.E. Pickren, P. Hegarty, C. Logan, W. Long, P. Pettikainen, A. Rutherford (Eds.), *Oxford Research Encyclopedia of Psychology* (pp. 1–21). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190236557.013.522>

Информация об авторах

Екатерина Владиславовна Битюцкая, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>, e-mail: bityutskaya_ew@mail.ru

Анна Георгиевна Докучаева, аспирантка кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7162-0624>, e-mail: annadokg@gmail.com

Алексей Андреевич Корнеев, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Анна Алексеевна Херувимова, аспирантка кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0003-8058-7728>, e-mail: kheruvimova.a.a@gmail.com

Information about the authors

Ekaterina V. Bityutskaya, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6117-1063>, e-mail: bityutskaya_ew@mail.ru

Anna G. Dokuchaeva, Graduate Student, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7162-0624>, e-mail: annadokg@gmail.com

Aleksei A. Korneev, PhD in Psychology, Senior Researcher, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Anna A. Kheruvimova, Graduate Student, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-8058-7728>, e-mail: kheruvimova.a.a@gmail.com

Вклад авторов

Битюцкая Е.В. — общая идея, координация и теоретическое обоснование исследования; разделы: «Резюме», «Обсуждение результатов», «Заключение»; сбор данных; контент-анализ (экспертиза); научное редактирование и формирование первичной рукописи.

Докучаева А.Г. — контент-анализ данных; описание эмпирических результатов.

Корнеев А.А. — обработка, статистический анализ и описание эмпирических результатов.

Херувимова А.А. — теоретический обзор по теме.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Ekaterina V. Bityutskaya — general idea, coordination and theoretical substantiation of the study; sections: “Summary”, “Discussion of Results”, “Conclusion”; data collection; content analysis (expertise); scientific editing and formation of the primary manuscript.

Anna G. Dokuchaeva — content analysis of data; description of empirical results.

Aleksei A. Korneev — processing, statistical analysis and description of empirical results.

Anna A. Kheruvimova — theoretical review on the topic.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование одобрено этическим комитетом факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ethics statement

The study was approved by the Ethics Committee of the Faculty of Psychology of M.V. Lomonosov Moscow State University.

Поступила в редакцию 21.08.2025

Поступила после рецензирования 04.12.2025

Принята к публикации 10.12.2025

Опубликована 29.12.2025

Received 2025.08.21

Revised 2025.12.04

Accepted 2025.12.10

Published 2025.12.29